

З а р я д к а

Их было двое, — а я, был один. Хохлы, Гриценко и Кривуля смотрели на меня, как на неожиданно откуда-то взявшегося таракана.

— *Отказываешься идти снег кидать?* — спросили они, в очередной раз.

— *Ничего делать не буду! Выходной, — он и есть выходной. Сами кидайте.*

Они стали подходить ближе. Я рукой, начал нащупывать табуретку.

— *Ты вот вроде, не маскаль Крушинский,... И не такой тупой, как все,.... Что с тобой?* — выбрал другую тактику Гриценко, - *Или хочешь на зарядке 3 кэмэ бежать?!*

— *Если надо, то побегу. Как все! А снег кидать с вами, не буду.*

— *Ну и дурак,* — спокойно сказал пухлощёкий Кривуля, — *Там хоть пошланговать можно. А на зарядке, — как шлангонёшь?! А?!... Никак!*

Видя, что гроза миновала, я отпустил табурет. Народ суетливо собирался. Никому не хотелось бегать воскресный зимний кросс, но приказ, — есть приказ. Хохлы понимали, что избежать выхода на улицу всё равно не удастся, и поэтому выбрали свою пассивную позицию, — кидать снег у крыльца казармы.

Мимо прошёл почтальон Толик Макаров. Хоть и не нравился мне этот московский пижон, но я всё равно спросил: «- *Толик! Ты вчера вечером, письма приносил. Там мне, что-нибудь было?*».

— *По-моему нет,* — Толик снял очки, и протёр их носовым платком, — *После зарядки посмотрим. Они у меня в тумбочке лежат.*

Ещё через несколько секунд, почтальон исчез в дверном проёме.

Ну, вот почему, он такой? Всем письма выдаёт сразу, а мне, потом. Типа всем, срочно, — а мне бляха-муха, нет. Э-эх,... Было у меня плохое зрение, сейчас бы я служил почтальоном, а не он.

Нахрена нам этот, воскресный кросс?! — думал я, выходя из казармы, — Все вышли, или нет?

Прижавшись к морозному окну и подув на стекло, разглядел уже выстраивающийся наш 15-ый взвод.

А может не ходить?!... А что?... Сержант никогда, народ не пересчитывает. Сам «больной» до этой зарядки, и нас всех доконал. Вот дал Бог, мастера спорта по лыжам(!). У других взводов сержанты, как сержанты. Выдут все, покурят, и обратно.

В это время, раздалась команда «бегом». Через пару секунд, — раздастся команда «марш», — ещё есть время и возможность выбежать и, — незаметно встать в общий строй.

Но толи двадцатиградусный мороз, толи воскресное настроение, — позволили мне, остаться в «предбаннике». Видя через окно тамбура, как весь взвод «весело» убегает вместе с утренней позёмкой, я ещё раз подул на руки, и решил переждать весь этот спортивный процесс в более тёплом месте.

Хохлы где-то кидали снег (а может, спали в сугробе:), бойцы 15-го взвода, 1 батареи нарезали круги под крики сержанта, а я стоял в одиночестве у замершего окошка, и выводил холодным пальцем на стекле, заветные слова и буквы, — «ДМБ-86».

Это ничего, что служить ещё 1 год, и 10 месяцев. Если не делать лишних глупостей, то можно дожить и до дембеля. Зима, этого 84 года, как специально взбесилась: морозы, снег, — снег и морозы. То кидай, то мёрзни, — что за жизнь?!...

За сколько мы ежедневно бегаем, три километра? Минут за пятнадцать?... Сколько прошло?... Наверное, скоро подбегут. Главное, — когда будут забегать в казарму, — незаметно смешаться с общим строем.

Не учёл я в тот день, одного, — что моя наглая рожа, не будет красного цвета от мороза и ветра. Вот всё, блин продумал, — а про рожу, забыл.

Видя, как бедные замерзшие солдатики, собираются в кучу возле крыльца, я праздновал свою победу над системой.

Как же, — служу всего два месяца (по солдатски, — «дух», «душара»), а уже могу наколоть товарища сержанта(!). И двух, жадных хохлов, — тоже обманул. Это же какой я умный?! Этим сказал, — что пойду кидать снег, а другим, — что на зарядку. Орель!!!

Ребята забегали в казарму по одному. Кто-то матерился на погоду, кто-то скидывал с шапок-ушанок прилипший снег. Мне без особого труда, удалось вклиниться в строй.

Но что-то, пошло не так,... Сетяев, почему-то до этого, так никогда не делавший, решил построить весь взвод.

— *15-ый взвод!* — зычно прокричал он, — *Стройся в расположение!*

Все тридцать человек, в мгновение ока, выстроились в две шеренги. И хоть я стоял и во второй, но это не спасло меня, от пристального взгляда сержанта. Его лицо менялось на глазах.

Я даже успел прочитать его мысли: «Это, что за херня?!... Это, что за бессмертный душара?!... Я тут бегаю, с пацанами, — а он?!... Охереть!».

— *Товарищи!* — глядя только на меня, произнёс сержант, — *У нас с вами, завёлся самый умный боец. Он,...*

Пол казармы, поплыл перед глазами. Я уже не слышал, что он там говорит. Это, всё! Это полный писец! Сейчас он скажет «фас!», и стая диких и голодных соба,... то есть курсантов, раздерёт меня по частям.

Хохлы, прибалты, — все, кого я, так или иначе, посылал. Узбек Овас, вспомнит, что я ему пару раз затрещины давал, туркмен с длинным носом по кличке «Цезарь», заклюёт меня свои клювом за измывательства.

— *...он не только меня подвёл, он и всех вас подвёл!* — продолжал изгаляться сержант Сетяев, — *а если бы война? Представляете?!... Мы бы все вышли воевать, — а Крушинского с нами, нету,...*

Всё! Сейчас кажет, что нужно бежать три километра. И как бы, не хотелось мне этого делать, — придётся бежать. Раз все ребята бегали, — значит и я, побегу.

— *... а почему так? А потом, что, курсант Крушинский, — один среди нас, — «не комсомолец»! Зияев по русски плохо говорит, — и то, — в комсомол вступил! А этот?! Всё умного из себя строит! Он, товарищи курсанты,...*

Стоп! А как же я побегу? Кто контролировать то будет? Это получается, что со мной рядом сержант побежит что ли?! Он же только что, отбегал свои три километра. Он же меня убьёт по дороге, пока никто не видит. Как же быть?....

— ... поэтому, товарищи курсанты, — слушай мою команду!

Так, о чём это он?!

— Направо! Бегом, марш! Выходи строиться на улицу!

Э-э-э! Это зачем?!

В общем строю, мы вновь выбежали на улицу. Мороз сразу же, защипал нос и уши. Сержант вышел на середину.

— Слушай мой приказ! За то, что курсант Крушинский, не стал со всеми с нами бегать кросс, — бежим ЕЩЁ РАЗ!

По толпе пробежал гул.

— Молчать! Приказ, — есть приказ! Мы, - взвод. Либо вместе, — либо никак.

Десятки хмурых глаз, уставились на меня. Я уже прикинул, что не пробегу и километра. Ближайший поворот, был через метров триста-четырееста. Значит, жить мне оставалось не более пяти минут.

— И ещё! — сержант окинул взглядом злых и замерзших, стоящих перед ним людей, — Крушинский побежит впереди всех! И сколько человек в этом кроссе, обгонит Крушинского, — столько он потом кругов будет бегать один, уже без всех вас.

Этакий «генерал Карбышев» получится(!). То есть, не совсем «генерал», — а курсант, и не «Карбышев», — а Крушинский. Но в целом, — я уже представлял себя в виде ледышки, еле переставляющей ноги, где-то на втором часу кросса. Хорошая перспектива: либо убьют по дороге, либо замёрзну.

— Марш! — крикнул сержант и мы, тронулись в путь. В мой, «последний путь»,...

Я бежал впереди строя, метрах в десяти. Сзади раздавалось глухое дыхание ртов и топот ног. Шестьдесят ног вторично (за этот воскресный день) бежали, так сказать, — «праздничную» зарядку. Тридцать ещё

не согревшихся голов, думали только об одном, — как меня догнать (пнуть) и обогнать.

Долго я так, не продержусь. Всё равно, кто-то обгонит. Сержант бежал чуть поодаль и, уже предчувствовал скорую развязку. Сделав рывок, увеличиваю дистанцию между мной и взводом до двадцати метров. Надолго ли это?...

Через полкилометра, сзади послышался чей-то нарастающий, топот. Оглянувшись назад, замечаю «смельчака». Замерзший иней на бровях и ресницах, не даёт мне успеть рассмотреть, кто это из сослуживцев.

Кто бы это ни был, — мне писец! Нашёлся один, — найдутся и другие. А если так, — то и придётся мне тут бегать, пока ноги не сотрутся.

Я увеличил скорость, но это слабо помогло, — «хвост» прицепился крепко. Ещё пятьсот метров, — но «хвост», не отставал.

Кто бы это, мог быть?... Хотя,... Какая разница?! Кто обгонит, — тот и обгонит.

— ...ожди...

Что?!... Послышалось.

— ...подожди,...

Кто это? Что ему нужно?!

За левым плечом послышалось чьё-то дыхание. Меня определённо кто-то хотел догнать. Но, кто?! И главное, — зачем?!...

— Подожди, Валера, — выдохнул с трудом, догнавший меня, — Мне сказать надо.

О чём это он? Голос знакомый. Кто бы это мог быть? Чумерин? Щёголев? Нет, это кто-то другой.

На бегу слегка поворачиваю голову налево. О Чудо! Это же, Толик Макаров! Наш почтальон! Нифига себе спринтер! Ну всё,... Раз этот решил обогнать, - обязательно обгонит.

— Да беги ты, чуть по тиши, наконец! — поравнявшись со мной, произносит Макаров, — Еле догнал тебя.

— То, что ты сделал, — никому из наших не нравится, — продолжал

Толик, — Только не убегай! Дай договорить.

— Слушаю, — прохрипел я.

— Ты Валера, никогда и никого, зря не обидел,... Мы тут, посовещались немного,...

Блин-н-н,... Они, ещё и совещались(!). Сейчас он мне выдаст, что бегать мне ещё сто кругов(!).

— Сержанты к тебе, относятся настороженно, — не знают, что от тебя можно ожидать,... Мы видим, что ты, практически никого не боишься, — ни власть,... - Толик закашлялся на ветру, — Ни дедов, ни кого других,...

— В общем,... Мы решили, что тебя нужно поддержать.

Что? Что он сказал? Я не понял,... «Задержать»? «Переждать»?... Послышалось, наверное.

— Никто! Слышишь?!... Никто, тебя не обгонит! Ни один человек. Все за тебя, друг!

Что со мной? Не пойму, что со мной? Снежинки стали таять на глазах, что ли?... Нет, это наверное мне слышалось(!). И «Цезарь» не обгонит?! И узбек Зияев?! Да я же, как-то раз, его «урюком» со зла, назвал(!). И даже хохлы и прибалты, с которыми я бьюсь уже вот два месяца, тоже передумали обгонять. Да что-ж это, такое происходит то?!...

— Живи, служи спокойно Валер! Мы никто на тебя, зла не держим. Всё! Пока! Я, — в строй, — закончил Толик, и исчез в пелене снега.

Я бежал, размазывая слезы варежкой по лицу. Солёные капли бежали по красному морозному лицу и скатывались мне, в мой открытый рот. Стыд душил меня, как демон.

Хорошо, что я бегу впереди, и ни сержант, ни ребята не видят моих слёз. Как же мог, так плохо подумать о них? Орёл, говоришь?!... Да, как я вообще мог,...

Рядом слышались чьи-то шаги, — это сам товарищ сержант, — устав ждать, когда меня хоть кто-то обгонит, — поравнялся со мной. Я взглянул на него, мы встретились глазами.

Что? Ещё живой?!

Да, я плачу(!). Но я плачу, — непобеждённым. Во всяком случае, — непобеждённым, для тебя сержант(!).

Что-ж мне с тобой делать?...

Да делай, что хочешь! Мне уже, всё равно.

— Взвод! Стой! — скомандовал Сетяев, — На сегодня все кроссы закончены! Развернулись и бегом в казарму! Отдохнуть. Марш!

Я уже не бежал первым, не бежал и последним. Встав в общую шеренгу, — я бежал вместе со всеми ребятами, в том числе и с братьями-хохлами, и с братьями-прибалтами. Рядом слева, тяжело дыша, бежал мой брат-узбек Овас Зияев, справа шмыгал носом мой туркменский брат «Цезарь».

Как хорошо, — что у нас такая есть дружба. Как хорошо, — что у нас, такая большая страна. Хоть бы эта дружба, — сохранилась на века в нашей стране!

В.К.

23.08.2019г.